

что керамический комплекс Нижнеингальского-3 поселения относится к концу алакульского или началу камышинского этапа алакульской культуры.

Бронзовые изделия данного поселения (обломок браслета со спиралевидным завершением, серп небольшого размера, с характерным изгибом и односторонней заточкой), к сожалению, принадлежат к широко распространенным типам и не могут служить уточнению периода обитания на памятнике [Аванесова Н. А., 1991, с. 19, 70], укладываясь в рамки первой четверти II тыс. до н.э. Полученная из погребенной почвы квадрата И-61 по общей фракции гуминовых кислот дата 3690+70 лет или 1740+70 лет до н. э. (калибровочное значение — 1δ 2008 – 1974; 2δ 2296 – 1892) [Рябогина Н. Е., Матвеева Н. П., Орлова Л. А., 2001, с. 205] не противоречит выводу типологического анализа, сближающего памятник с временем ранних могил Хрипуновского некрополя в пределах XIX-XVIII вв. до н. э. и говорит о возможности отнесения их к одной длительно существовавшей культуре территориальной группы населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.
2. Археологическое наследие Тюменской области. Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск, 1995.
3. Глушков И. Т. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.
4. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
5. Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Крюкова Т. С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 126-135.
6. Потемкина Т. М. Алакульская культура // Советская археология. 1983. № 2. С. 13-34.
7. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
8. Рябогина Н. Е., Матвеева Н. П., Орлова Л. А. Новые данные о природной среде Зауралья в древности (палинологическое исследование отложений Нижне-Ильского – 3 поселения) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 205-212.
9. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000. 105 с.

*Дмитрий Александрович ГОГОЛЕВ —
ассистент кафедры истории древнего
мира и средних веков факультета
истории и политических наук*

УДК 94(495.02)

О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ХАРАКТЕРА ПОСЕЛЕНИЙ ВИЗАНТИИ VII-IX вв.

АННОТАЦИЯ. В статье ставится вопрос о том, какие критерии могут использоваться для определения городского характера поселений Византии VII – IX вв. Автор обращается к историографии вопроса и к некоторым источникам, прежде всего «Хронографии» Феофана Исповедника и «Краткой истории» патриарха Никифора.

The article analyzes the criteria that may be used to identify the city features of the Byzantine settlements in VII-IX centuries. The author considers the historiography of the

issue and some of the sources — chiefly, «Chronographia» by Theophanes and «Breviarium» by patriarch Nicephorus.

Господствующим в отечественной историографии было положение о том, что основным критерием для определения понятия «город» должен быть социально-экономический [1]. Но нельзя модернизировать понятие «город», сводя его исключительно к понятию экономического центра товарного производства [2].

В статье будут рассмотрены некоторые критерии, которые могут помочь в выявлении городского характера населенных пунктов Византии в VII–IX в., а также оценке их в историографии.

Важную роль для определения какого-либо населенного пункта в качестве города играет численность его населения [3]. Но по отношению ко многим поселениям невозможно определить численность их населения.

Географический континуитет поселений, которые когда-то были городами, также не может служить надежным критерием для того, чтобы рассматривать их в качестве таковых в дальнейшем [4].

Наличие оборонительных сооружений в населенных пунктах часть исследователей называла основным критерием города. А. П. Рудаков обращал внимание, что «в представлении византийца каждый город прежде всего отличается от прочих форм поселения тем, что имеет укрепленную городскую стену и различные общественно полезные здания» [5]. Н. В. Пигулевская считала, что стены — это главный признак, который отличал город от селения, деревни [6]. В связи с тем, что этот критерий очень важен в вопросе о характере поселений Византии в VII — первой половины IX вв., остановимся на нем более подробно.

То, что стены — важный внешний признак города, с этим соглашается ряд исследователей [7]. Противоположная точка зрения высказывалась А. П. Кажданом. Он отмечал, что наличие стен в византийских городах — не абсолютное правило [8]. Г. Г. Литаврин приводит данные о невозможности считать в качестве критерия для определения поселения городом наличие стен. Но перечисленные им примеры из источников относятся ко времени X–XI вв. [9]. Несмотря на это, из приведенных примеров важно то, что сведения о наличии стен недостаточны для характеристики того или иного населенного пункта в качестве города. Деревни, обнесенные стенами, конечно, не становятся городами. Но и, наоборот, отсутствие в письменных источниках сведений о наличии стен не должно сразу же трактоваться в пользу негородского характера поселения [10]. Факт возведения новых стен мог не отразиться в источниках, а сведения о незначительных изменениях — попасть в текст строительной надписи. Отсутствие стен было характерно для некоторых регионов. Так, в Африке существовало много городских поселений без стен [11]. Стенами обносились также монастыри, крупные поместья и даже отдельные общины солдат-федератов (применительно к Балканам VI в.) [12].

Значение стен для населенного пункта становится более понятным в период постоянных военных действий. Плохо укрепленные города исчезали, а имеющиеся городские стены продолжали существовать [13].

То значение, которое придавали современники стенам еще в период поздней античности, подтверждается изображением их на инсигниях высших чиновников [14].

Для выяснения того, непрерывно или нет существовало поселение, важно, постоянно или с перерывом шло возобновление фортификационных сооружений. Для многих поселений открыты лишь отдельные участки оборонительной стены (Афины, Коринф, Месемврия) в связи с тем, что современные города занимают эту же самую территорию. Ряд поселений, упоминаемых в источниках, вообще не

подвергался археологическому изучению. Но там, где установлено постоянное возобновление оборонительных сооружений, выявляется непрерывное развитие данного пункта.

Каким образом поддерживались в надлежащем состоянии оборонительные сооружения в VI в. и в период VII — IX вв., что изменилось, кто должен был перестраивать или заново отстраивать фортификацию? Ведь от того, насколько эффективно будут защищать в ходе вражеских нашествий стены, зависела судьба жителей. Постоянное возобновление стен — это свидетельство не только о временном континуитете поселения, но и демонстрация возможностей данного населенного пункта. Для строительных работ были необходимы рабочие самых различных профессий: каменщики, плотники, кузнецы, оружейники, кровельщики и т. д.

В строительстве крепостей должно было участвовать и сельское население [15]. В целом до начала VIII в. обязанность поддерживать городские укрепления лежала на самих городах. Данные эпиграфики свидетельствуют об участии горожан в строительстве или восстановлении стен [16]. Изменения происходят в правление Льва III Исавра. В 740 г. эти обязанности были переданы государству. В 738/739 г. правительство вводит специальные поборы с жителей городов на восстановление оборонительных сооружений [17]. Около 739 г. вводится особый побор — дикератон, учрежденный специально для восстановления стен столицы [18]. Вне столицы, например, в Херсонесе Таврическом действовал практейон — учреждение по сбору налогов и пошлин; собранные суммы должны были идти на строительство стен [19]. И в IX в. стены поселений восстанавливаются с помощью императорской власти. Работы по строительству стен в VIII — IX вв. могут являться ярким свидетельством большой роли городов в этот период [20].

Косвенные, но очень важные, на наш взгляд, свидетельства о положении оборонительных сооружений в тех или иных населенных пунктах могут дать известия письменных источников о действиях войск противника.

В источниках многократно описываются случаи вражеских нападений на византийские поселения. При этом упоминаются разграбление, разрушение, разорение, осада того или иного населенного пункта. Один из главных противников ромеев, арабы, воспринимали прогрессивные приемы ведения полевых сражений быстро, но искусством штурма городов в начальный период войн с Византийской империей они овладевали довольно медленно. Упоминание об успешных штурмах небольших городов в этот период встречается в источниках редко [21].

Не всякое нападение вражеских войск сопровождалось упоминанием осады или захвата поселения; не всегда после известий об осаде следуют известия о захвате населенного пункта. Византийские авторы перечисляли различные действия, которые совершались врагами по отношению к тому или иному поселению. Рассмотрим случаи использования этих характеристик в «Хронографии» Феофана Исповедника и «Бревиарии» патриарха Никифора. В «Бревиарии» неоднократно идет речь о разнообразных действиях вражеских войск по отношению к населенным пунктам, в том числе об осадах [22] и о захвате [23] поселений. В «Хронографии» также довольно часто описываются различные вражеские действия. Это осада [24], взятие [25], разорение [26], завоевание [27] населенных пунктов. Из приведенных примеров видно, насколько сложно определить, в каких случаях можно говорить о наличии оборонительных сооружений. На наш взгляд, более всего этому соответствуют примеры об осадах населенных пунктов. Но само по себе известие об осаде не всегда может служить полным доказательством наличия фортификационных сооружений. С другой стороны, трудно представить осаду не обнесенного стенами поселения. Описание осады нередко сопровождается упоминанием о ее продолжительности (несколько дней, месяц, все лето, длительная осада) и об использовании осадных сооружений.

Чаще всего источники предоставляют сведения и о результатах осады (взятие поселения, отступление вражеских войск, захват пленных).

Для определения военно-оборонительной функции и статуса поселений весьма важными могут являться сведения источников о нахождении там императора, военачальников, военных чиновников.

Причины появления императора в том или ином поселении были различными. Это могли быть: военная необходимость (в подавляющем числе случаев), внутривосточная политическая борьба, различные гражданские мероприятия (принятие целебных ванн, выезд на моления и т. д.). Нас в первую очередь интересуют сообщения источников, связанные с военной необходимостью.

Рассматривая нахождение василевса на территории данного поселения, необходимо учитывать, кто сопровождал главу государства. Это может иметь определенное значение для выявления возможностей этого населенного пункта (наличие ресурсов для обеспечения этих должностных лиц). В источниках можно найти некоторые сведения. Так, в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» в главе 51 перечисляются те лица, которые отправлялись вместе с императором [28]. В его же сочинении «О церемониях византийского двора» также содержатся данные об организации выездов главы государства [29].

В «Хронографии» Феофана имеется упоминание о том, как император, выступая в поход, имел и «прочих приближенных матери» [30]. В «Бревиарии» Никифора также можно найти сведения о поездке императора в Халкедон в сопровождении императорской гвардии и свиты [31].

То обстоятельство, что глава государства совершает поездку в мирное время, должно характеризовать и положение того населенного пункта, куда он отправляется. Это поселение должно было располагать всем тем, что могло бы понадобиться самому императору или его свите. С другой стороны, трудно поверить, чтобы василевс ромеев посещал незначительные места. Конечно, император выезжал и в «святые» места [32].

В византийских городах в предшествующий период, т. е. в VI в., находились значительные гарнизоны. Там размещались в зимний период части действующей армии, поселялись инвалиды и ветераны [33]. Вопрос, насколько присутствие гарнизонов и военной администрации поддерживало городской характер поселений, является дискуссионным [34].

Для выявления военно-стратегической функции поселений необходимо, на наш взгляд, использовать свидетельства источников не только о постоянном нахождении военных частей в населенном пункте. Весьма важными могут являться сообщения об их пребывании в течение более или менее продолжительного времени. Присутствие императора с войском в том или ином населенном месте может быть приравнено к нахождению там полководца с вооруженными людьми. Необходимо в каждом конкретном случае обращать внимание на то, при каких обстоятельствах оказалось войско в данном месте. Это важно по той причине, что при наступлении или отступлении во время военных кампаний по-разному будут строиться и взаимоотношения войска с населением. Но, в любом случае, источники могут пролить свет на то, кто находился вместе с полководцем. Имеющиеся в источниках конкретные цифры о численности военных сил, о продолжительности их пребывания, о времени года помогают представить ту нагрузку, которая ложилась на плечи жителей данного населенного пункта.

Важными источниками для оценки того, что представляло из себя войско в походе с количественной точки зрения, являются «Стратегикон» Псевдо-Маврикия и «Тактика» Льва. Эти военные трактаты неоднократно использовались исследователями для реконструкции военной организации Византии. В данном случае «Стратегикон»

дает сведения об относительной численности гражданских лиц, находившихся вместе с воинскими чинами. Высшие армейские чины располагали значительным штатом прислуги. Солдаты тоже могли иметь слуг из числа рабов и свободных, для чего они получали из казны специальные средства. У кого не было денег, получали слуг в централизованном порядке (из расчета один слуга на 3-4 воина). Военнослужащим не возбранялось брать с собой в поход жен и детей, которые обычно находились в обозе [35].

«Тактика» Льва предоставляет некоторые сведения о тех элементах, на которых строились взаимоотношения войска с окружающим миром (в нашем случае – это территория поселения). В книге VI «Тактики» среди прочего речь идет и о необходимости в снабжении войска продовольствием, питьевой водой, фуражом с запасом не менее чем на 8-10 дней [36].

Помимо критериев, которые так или иначе связаны с военно-оборонительной функцией, необходимо обратиться к характеристике населенного пункта как епископского центра.

Вопрос о том, в какой мере существование епископской резиденции способствовало поддержанию городского бытия поселений, является дискуссионным. Отмечается, что на Западе роль церкви как спасительницы городов преувеличивается [37]. Можно обозначить противоположные точки зрения и на вопрос о значении религиозной организации для сохранения городского характера поселений в Византии. Для ранневизантийского города роль церкви была огромна [38]. Епископы играли значительную административную и хозяйственную роль в жизни империи, подтверждением чего является строительная деятельность церковных иерархов в городах [39]. Во времена всевозможных кризисов епископ брал инициативу в городе в свои руки [40].

Нередко отмечается, что центр епископии зачастую был заштатным городком, почти деревней с ее ближайшей округой [41]. Но, на наш взгляд, определяющим моментом в этом вопросе должно быть положение, высказанное И. Соколовым. Он обозначил очень существенный момент: «Епископ не должен избираться в малый город или село, дабы не уничижались его имя и власть» [42]. Это положение согласуется с законом императора Зенона, что каждый город должен иметь своего епископа (*πασαν πόλιν... ἔχειν ἐκ παντός τρόπου ἀχόριστον καὶ ἰδίον... ἐπίσκοπον θεοπίστομον*) [43]. Определить роль епископа в вопросе поддержания городского характера поселения в VII – первой половине IX вв. не просто. Источники дают незначительные сведения для ответа на этот вопрос. Исследователи по-разному оценивают сложившуюся в этот период ситуацию. Бывшие мелкие провинциальные полисы, как об этом писал Г. Л. Курбатов, «постепенно поглощались церковью. В итоге такие города стали просто епархиальными центрами, состоявшими преимущественно из церковных учреждений» [44]. В качестве одного из признаков упадка городов в VIII – IX вв. указывается на фактическое прекращение в малых городах в этот период церковного строительства [45]. Но до сих пор археологически не исследованы многие провинциальные центры. Как известно, во многих случаях византийские слои поселений утрачены или недоступны по причине нахождения на их территории современных населенных пунктов. Трудно согласиться и с абсолютизацией тезиса о том, что «церковь в VIII – IX вв. строит «для себя», ничего не строит для города» [46].

Положительную оценку роли епископов в вопросе сохранения городской жизни дает С. Б. Сорочан. Автор, сравнивая положение дел в Византии с Западной Европой, делает вывод, что «архиепископские и епископские кафедры почти всегда совпадали с урбанизированными населенными пунктами, местами, где существовали храмы, строились оборонительные укрепления, находились войска, ве-

лась ремесленная, коммерческая, культурная деятельность» [47]. Мы придерживаемся точки зрения, что упоминание в источниках церковных иерархов не всегда является достаточным доказательством городского бытия того или иного поселения. Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть проблему так называемых титулярных епископов [48]. Имея в своем церковном титуле название того или иного поселения, они располагали свои резиденции в других местах. Причин титулярности могло быть несколько. Это и переезд епископа в другое место в связи с военной опасностью [49]. Титулярность могла быть и следствием введения фемной системы. Этот процесс сопровождался потерей своей значимости некоторыми центрами. Церковная власть должна была перемещать митрополии в другие места или предоставлять право одному лицу быть церковным иерархом двух населенных пунктов [50]. Учитывая все это, необходимо сделать следующий вывод. Для того, чтобы оценить, насколько конкретное поселение могло существовать как город, кроме упоминания церковного иерарха этого места в источниках должны быть использованы данные о выполнении им и других функций. В частности, упоминание поселения лишь в епископских notiциях не дает право говорить о существовании там резиденции церковного иерарха и тем более о городе.

Перечисленные выше критерии в отдельности не могут рассматриваться в качестве доказательства городского характера того или иного населенного пункта. Только по совокупности критериев поселение может характеризоваться как город.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 139, примеч. 7.
2. Сюзюмов М. Я. Византийский город (сер. VII – сер. IX вв.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 48.
3. Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака) // Византийский временник. 1976. Т. 37. С. 28.
4. Brandes W. Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jh. B., 1989. S. 26.
5. Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1997. С. 89-90.
6. Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 86. С. 46-80.
7. Dölger F. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt (V–VIII. Jh.) // Параспора. Ettal, 1962. S. 115 (Anm. 25). Вайнштейн О. Л. считает, что стены были необходимым атрибутом средневекового города. См.: Медведев И. П. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде // Византийский временник. Т. 30. 1969. С. 313.
8. Медведев И. П. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде // ВВ. 1969. Т. 30. С. 313.
9. Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака) // Византийский временник. 1976. Т. 37. С. 17-18.
10. Г. Л. Курбатов отмечает, что факт сохранения стен не может считаться достаточно веским обоснованием «непрерывности именно городского существования того или иного поселения». См.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. С. 5.
11. Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jh. // Byzantinisches Archiv. München, 1969. 13. S. 15.
12. Липшиц Е. Э. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии // Византийский временник. 1958. Т. 13. С. 36 (прим. 41).
13. Claude D. Op. cit. S. 226, Anm. 236. Автор приводит пример перемещения поселения из Колосс в Хоны.
14. Ibid. S. 200, Anm. 32; Ястребицкая А. Л. отмечает, что стены и их элементы имели символически-правовое значение и часто изображались на печатях западноевропейских

городов. См: Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 256.

15. Литаврин Г. Г. Восточноримская империя в V–VI вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VI – XII вв. М., 1985. С. 26.

16. Kirsten E. 1958. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI. Inter. Byz. Kongr. Teil V/3. München, 1959. S. 20 (Anm. II-6).

17. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 159.

18. История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 38-39.

19. Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX вв.) // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 68.

20. Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII–первая половина IX вв.). М., 1961. С. 115.

21. Кривов М. В. Военное искусство арабов в эпоху первых византийско-арабских войн (30–50-е годы VII в.) // Мероэ. Вып. 5. М., 1999. С. 142. Автор перечисляет осады некоторых городов сиро-палестинского региона (с. 142–143) и отмечает возможности использования арабами осадных приспособлений (с. 143).

22. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880. P. 43, 52, 58.

23. Ibid. P. 29.

24. Феофан. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 43, 44.

25. Theophanis chronographia / Ed C. de Boor. I. Leipzig, 1883. P. 336.

26. Ibid. P. 395.

27. Ibid. P. 332.

28. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 235.

29. Чекалова А. А. Быт и нравы // Культура Византии. Т. 2. М., 1989. С. 614.

30. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // Чтения в обществе истории и древностей Российских. М., 1884–1887. С. 345.

31. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880. P. 9.

32. О «святых» городах см.: Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jh. // Byzantinisches Archiv. München. 1969. 13. S. 208–219.

33. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. С. 78. Автор обращает внимание на то, что постепенно покупательная способность частей и гарнизонов в городах падала ввиду сокращения расходов на армию, нерегулярных выплат жалованья в правление от Юстиниана I до Фоки, а возможно, и далее. «Солдаты вынуждены были грабить городское население, чтобы поддержать свое существование», что вело, в том числе, и «к упадку торгово-ремесленной деятельности» (с. 71). Г. Л. Курбатов приводит несколько примеров из VI в., связанных с неуплатой жалованья и сокращением содержания армии (с. 78–79).

34. Курбатов Г. Л. Основные проблемы... С. 71. Автор отмечает, что «для части приходивших в упадок городов их значение как крепостей временно поддерживало их существование в результате размещения в них значительных гарнизонов и военной администрации».

35. Кучма В. В. К вопросу о социальной базе византийской военной организации на рубеже VI – VII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 15.

36. Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Т. 2. М.: Наука, 1989. С. 282.

37. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 105–106. Но как отмечает А. Л. Ястребицкая, христианство, будучи городской религией по самой своей природе, «поддерживало на Западе городское развитие в самом его начале. Из римских городов в средневековье перешли в большинстве своем те, которые являлись епископскими резиденциями». См.: Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 268.

38. Козлов А. С. Рец. на кн.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971 // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 249–252.

39. Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 86. С. 59–60. Автор отмечает, что строительство поручалось не дуксу, а епископу, т. к. он располагал определенным количеством денег. Они могли быть вложены в строительство, потому что государство в данный момент не могло или не хотело их давать.

40. Brandes W. Die Entwicklung des byzantinischen Städtewesens von der Spätantike bis 9. Jh. // Die byzantinische Stadt in Rahmen der allgemeinen Stadtentwicklung. Leipzig, 1995. S. 18. Автор ссылается на новеллу Юстиниана I 545г. об управлении городским имуществом.

41. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 73–74. Для подтверждения тезиса о бедности епископов исследователи часто ссылаются на свидетельства посла германского императора Лиутпранда, посетившего Византию в X в. См.: История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 213: один из епископов жаловался гостившему у него Лиутпранду, что из-за законодательства Никифора иерархи совсем обеднели. Г. Л. Курбатов подчеркивает, что Лиутпранд удивлялся бедности византийских епископов. См.: Курбатов Г. Л. Византийская церковь IV–VII вв. // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность, Византия, Русь. Л., 1988. С. 7. Но, как отмечается, трудно определить, «что в его инвективах против Византии правда, а что ложь». См.: Удальцова З. В. Дипломатия // Культура Византии (вторая половина VII–XII в.). М., 1989. С. 262. И тем более свидетельства Лиутпранда не могут быть использованы для оценки положения в византийской церкви для любых периодов ее истории.

42. Соколов И. Избрание архиереев в Византии IX–XV вв. Историко-правовой очерк // Византийская цивилизация в освещении российских ученых (1894–1927). Т. 1. М., 1999. С. 245. (Репринтное переиздание статьи из книги: ВВ. 1922. Т. XXII. С. 194–252). См. также: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998. С. 340. Для более раннего времени Д. Клауде отмечает, что некоторые епископы жили в поселках. См.: Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jh. // Byzantinisches Archiv. München, 1969. 13. S. 12.

43. Цит. по: Brandes W. Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jh. В., 1989. S. 12: Cod. Iust. I. 3, 35.

44. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. Л., 1971. С. 66. Автор также отмечает, что «церковь абсолютно доминировала в их жизни, и трудно предположить, в какой мере многие центры епархий, названия которых сохранились в епархиальных списках VII–VIII вв., можно рассматривать как города».

45. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 151.

46. Там же. С. 168.

47. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998. С. 340 и примечание 134 (с. 362).

48. Об этом см.: Lilie R.-J. «Thrakien» und «Thrakesion». Zur byzantinischen Provinzorganisation am Ende des 7. Jh. // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1977. 26. S. 43; Brandes W. Die Entwicklung des byzantinischen Städtewesens von der Spätantike bis 9. Jh. // Die byzantinische Stadt in Rahmen der allgemeinen Stadtentwicklung. Leipzig, 1995. S. 42.

49. Здесь можно привести несколько примеров. Резиденция епископа Фаустинополя могла находиться в Лулоне. Население переселилось туда из-за угрозы захвата. См.: Brandes W. Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jh. В., 1989. S. 114. Епископ Патр конца VIII в., по мнению Р.-Й. Лиле, мог находиться в Италии и являться титулярным епископом. Это может следовать вследствие того, что подпись епископа Патра находится между подписями представителей Региона и Катаны. См.: Lilie R.-J. «Thrakien» und «Thrakesion»...S. 43.

50. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. III. История церкви в период Вселенских соборов. М., 1994. С. 331. Д. Клауде называет следствием введения новой, фемной, системы потерю епископами своей власти. См.: Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jh. // Byzantinisches Archiv. München. 1969. 13. S. 226.